

Павел Брычков

Спор

В охотничьей избушке жарко, как в сауне. Железная печурка раскалилась докрасна, но дверь не открывают. Раздевшись по пояс, обитатели сидят на нарах за столиком, на нем горит свеча, стоит бутылка водки в окружении обильной закуски, которой снабжают жены охотников-любителей.

Собравшиеся познакомились уже тут, в избушке, известной на всю округу, удобной тем, что рядом озеро, а вокруг клюквенные болота. В выходные дни она обычно забита так, что спят не только на нарах, но и на полу и даже под нарами. Сейчас же в избушке трое: два охотника за утками из города и дед-«клюквач» из ближайшей деревни.

На столе уже вторая бутылка. Давно рассказаны все истории о медведях, разговор перекинулся на современные дела, и выяснилось, что у охотников разные взгляды на текущий момент. Они яростно заспорили, и дед почувствовал себя лишним. Попытался вспомнить еще что-нибудь о медведях, но самый интересный случай, как медведь якобы в их деревне утащил бабу и изнасиловал ее, он уже рассказал, а больше ничего вспомнить не мог. Он еще посидел чинно, дожеввал помидорку, плотно сжал губы, так что они казались глубокой морщиной, странным образом сбежавшей с воскового лба, покосился на початую бутылку, затем отодвинулся в сторону и прилег на телогрейку головой к выходу.

– Вася. Ты не прав, он уже обанкротился, – убеждал оппонента чернобородый парень лет тридцати с лихорадочным блеском в глазах, – погляди: четыре года прошло, с каждым годом все хуже и хуже... Признаешь?

– Ну... Так это ж бюрократия специально саботирует! Читал в «Урале» Андреева – класс бюрократов!

– Я все читаю, на двести рублей подписался... В том-то и беда, что развелось словоблудов, всех этих Андреевых обоюго пола мешалкой бы... Класс, значит? Да здравствует классовая борьба? Кому-то очень хочется, чтоб она у нас опять началась. Не зря этот столичный сброд с такой легкостью балабонит о гражданской войне!..

– А что ты предлагаешь делать? Сидеть сложа руки? – воскликнул Василий, затягиваясь сигаретой так, что на его полных красных щеках образовались глубокие вмятины. – Дышать ведь стало легче! Ты не хочешь читать Платонова, Солженицына?..

– Да не об этом речь! Путь тупиковый! Не учитывает национальной специфики народа. Опять эксперимент над народом... Не есть ли это продолжение линии Троцкого, только боlet изощренным способом...

– Ну ты загнул! Тот же ярый противник капитализма. А здесь, пожалуй, наоборот: рынок – это капитализм...

– Вот-вот, реставрация под социалистическими лозунгами, а чем это может обернуться – крикунам наплевать.

– погоди, я что-то никак не могу сообразить, в чем мы с тобой расходимся, – поморщился Василий. Потом вдруг принялася. – Дед, не твои сапоги горят, резиной запахло?

Дед живо вскочил и отодвинул сапоги от печки.

– Припало малость...

– Открой дверь, пусть проветрится, – сказал Андрей, – жарко.

Дед распахнул дверь, в избушку хлынул холодный сентябрьский воздух. Язычок свечи заметался, готовый сорваться...

– Так, давай определимся, – продолжал шутливо Василий, – ты за коммунистов или большевиков? Ты хочешь, чтобы партия опять все подмяла под себя? Ты против перестройки?

– Я против перестройки-революции! Ибо никакие революции не делают человека лучше, а льют реки крови... Чтоб не делали тряпку целью жизни, помнили слова философа: «Не гордись, тряпка, ветошкой станешь!». Чтоб спросили наконец его, – кивнул Андрей на деда, – что ему надо!

– Да брось ты, пока жареным не запахнет, они не пошевелиятся, – сказал Василий, плеснув воды в стакан. – Так, все-таки определимся! Ты противник революции, стало быть, ты против партии, и я против партии... Я за многопартийность...

– Надо было быть злым гением, чтобы решиться на усобицу, ведь даже ярый марксист Плеханов предупреждал и был против революции у нас, предвидел Сталина... Владимиру Ильичу еще будет предъявлен счет... Ведь возьми, что ни умная голова – противник социализма... Но если партия сегодня станет основой стабилизации, не застоя, нет, стабильности, я за нее. Вернее, я против нее выступать не буду.

– Ну тогда это навечно: добровольно привилегии никто не отдаст! – вскочил Василий и больно стукнулся головой о потолок. Заматерился и, подойдя к двери, с треском захлопнул ее.

Задремавший было дед открыл глаза и, глядя на спорщиков, с сожалением подумал, что они еще не скоро угомонятся. Встал и принялся налаживать скребок для сбора клюквы: консервная банка днем отвалилась от деревянной ручки. Подумал, что ведер пять, пожалуй, к вечеру надерет и успеет на теплоход «Комету», идущую в город, продаст ее капитану по трешке за кило. Тогда можно будет купить бычка в колхозе, зарезать и отправить сыну в город...

– Да и партийцы сейчас не те, что, скажем, в тридцатые годы были, жизнь заставила их поумнеть...

– Какие же они, интересно? Честнее, что ли? А Чурбанов, а Щелоков?

– Я не о том: сейчас евреев меньше, а раньше в верхах да в ГУЛАГе они бал правили...

Лицо Василия на мгновенье вытянулось.

– Значит, во всем евреи виноваты?

– Не знаю, но дыма без огня не бывает... Во всем их богоизбранность виновата: мы первые, мы лучшие! А в чем первые, в чем лучшие? Палка о двух концах – кому охота быть вторыми? Вот и появляются другие первые и избранные... Ведь ни одному русскому писателю не пришло в голову написать о почти двухтысячелетней безгосударственной их душе, а вот Гроссман о нашей написал... Как им хочется, чтобы мы себя рабами чувствовали, с рабами что хочешь, то и делай... Но пока цело государство, у них ничего не выйдет, вот и вопят.

– Так, давай окончательно определимся, – прервал его Василий, – ты, значит, за единое неделимое государство. Но позволь вопрос: за какое, ты отказываешь другим национальностям в праве на самостоятельность? Читал, что Сахаров в «Огоньке» сказал...

– Сахаров, Сахаров! – взорвался Андрей. – Что он мелет: раздробить все на куски, а потом-де между этими кусками наладятся связи. Не правда ли, знакомо: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья...» Ломать – не строить! Не лучше ли развивать то, что есть... равноправное двуязычие... Я в татарской деревне учился, два класса: татарский и русский... Все нормально было... Старый маразматик, – пьяно качнув головой, закончил он.

– Что-о? – грозно уставился на него Василий. – Я тебя вызываю! Ты оскорбил совесть России!..

– Ха-ха-ха! – откинулся на нары Андрей. – Куда ты меня вызываешь? Ну пойдём, разомнемся!

– Я тебя на дуэль вызываю... Стреляться из ружей!..

– Стреляться?.. Я чирка влет бью... Ну пойдём, пойдём, одним дураком меньше станет!..

Они сорвали со стены двустволки и стали выбираться к выходу.

Дед сел на нарах и зло сказал:

– Вы, ребята, бейте друг дружку дуплетом, чтоб вернее... А я вашу водочку допью за помин души...

– Не лезь, дед!

Распахнули дверь. Из ночной черноты болота плеснул в лицо оглушительный сатанинский хохот. Хмель как ветром сдуло.

– Дед, что это?

Дед идилом, молча, глядел перед собой, в глазах его колебались язычки пламени, как отблески грядущих пожарищ.

Спорщики вернулись в избушку и сели допивать водку.

1989